

синтез необхідний, тому що екологічно позитивне відношення до природи властиве в різних ступенях і напрямках різним галузям і типам культури. Екологічна криза активізувала увагу багатьох сучасних вчених до проблем залежності існування природи від соціокультурної практики, від розвитку науки та техніки. Культурологи перенесли свою увагу з еколого-технологічних проблем на духовні та морально-етичні проблеми відношення людського суспільства до природи. Екологічна культура повинна складати основу світогляду сучасної людини, оскільки вона є головною умовою її виживання на Землі.

Джерела та література:

1. Лучанська В. В. Методологічні підстави теоретичного аналізу екології культури в інформаційному суспільстві : монографія / В. В. Лучанська. – Рівне : РДГУ, 2011. – 194 с.

Полякова А.Ю.

УДК 159.96:130.2

ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЙ ЭСТЕТИЗМ ХИППИ

Проблема эстетизма связана с противопоставлением эстетического и этического в европейской культуре. И. Кант первым показал, что этическое относится к сфере разума, а эстетическое – к способности суждения, то есть они основываются на разных принципах и принадлежат разным способностям души. Кантовская эстетика оказывается подчиненной этике. Способность судить, опираясь на чувство удовольствия/неудовольствия, с которой мы имеем дело в эстетическом опыте, играет роль посредника между рассудком и разумом. Способность суждения опирается на принцип целесообразности и это очевидно для нас при обращении к искусству. Но в природе обнаружить (познать) целесообразность с помощью рассудка не удастся, поэтому рассудок оказывается напрямую связан со способностью суждения. Способность суждения позволяет нам судить о целесообразности природы, с одной стороны, посредством чувства удовольствия, и тогда мы имеем дело с субъективной целесообразностью, а с другой, обращаясь к рассудку и разуму, и тогда можно говорить об объективной целесообразности. Первую Кант называет эстетической способностью суждения, а вторую – телеологической. Именно в сочетании с рассудком и разумом способность суждения позволяет нам выйти за рамки субъективности. Но последующие интерпретации Канта, например, у Ф.Шиллера, а затем у ранних немецких романтиков акцентируют внимание на указанной Кантом разделенности эстетики и этики. Этим была заложена возможность возникновения эстетизма в качестве идеологии, которая впервые актуализировалась у ранних немецких романтиков. В дальнейшем эстетизм стал популярной жизненной позицией в артистических кругах и, по сути, стал идеологией богемы.

Под эстетизмом мы понимаем: 1) мировоззренческую установку, для которой характерна направленность «Я» на самое себя, состояние замкнутости, а также жажда чувственных/психических переживаний; 2) идеологию, чертами которой являются: аристократизм («аристократы духа»); индивидуализм; удвоение мира; культ чувственных наслаждений (гедонизм); аморализм/имморализм; жизнелюбие; эскапизм.

Обратившись к феномену контркультуры 1960-х – начало 1970-х годов, мы обнаружили, что для идеологии этого социокультурного феномена характерны черты эстетизма и что контркультура отчасти принадлежит к богемной традиции. Термин «контркультура» был введен Т.Роззаком в его известной работе «Создание контркультуры» (The making of a counter culture, 1969) и использовался для характеристики типа протестующего мироощущения, характерного для привилегированного студенчества и интеллигенции, «детей технократов», конца 1960-х годов. Но это была не форма отрицания культуры, а протест против репрессивной цивилизации, и, как пишет М. Султанова, «переводить на русский язык сам термин «контркультура», возможно, было бы правильнее как «контрцивилизация», либо как «антитехногенная культура», либо, например, как «культура-контр», «культура протеста» и т.д.» [8; с.26].

Внутри общего движения контркультуры можно выделить несколько групп, преследовавших в рамках борьбы с современной техногенной цивилизацией свои более частные интересы. Среди них: борьба за права национальных меньшинств (прежде всего чернокожих), женщин (феминизм), сексуальных меньшинств, антивоенные протесты (пацифизм), борьба за защиту окружающей среды (экологизм, энвайронментализм), коммунитаризм и движение хиппи. А. Минаев отмечает, что в молодежной контркультуре 1960-х годов правомерно выделить два основных направления: общественно-политическое и неполитическое. Наиболее массовым проявлением последнего стало движение хиппи [4]. Т. Миллер также пишет, что альтернативная культура 1960-х никогда не была монолитом и в пределах этого явления можно обнаружить, по крайней мере, две очень отличающихся позиции по отношению к социальному кризису: «новых левых», открыто политическую оппозицию к доминирующей культуре, и хиппизм (hippiedom), мир «выпавших» и культурно инакомыслящих [11; с.10].

Изначально представляя некоторую целостность, названную «контркультура», к 1967 году хиппи и «новые левые» стали сильно расходиться во взглядах. Способ протеста хиппи и «новых левых» может быть интерпретирован как бунт, в смысле, который придает этому слову А.Камю: «Я бунтую, следовательно, мы существуем». Молодыми бунтарями мир ощущался как противостояние «мы – они», в котором «они» олицетворяли экологический кризис, индустриальное общество, отчуждение, конформизм. Но формы этого экзистенциального бунта отличались: для «новых левых» был характерен бунт политический, для хиппи –

бунт эстетический: «Движение политического протеста составило большую силу, но тут же появились и признаки раскола. На демонстрациях вместо плакатов и революционных лозунгов появлялось все больше и больше цветов и воздушных шариков, а песни «The Beatles» вытесняли гимн «Мы все преодолеем». Растущие настроения гедонизма плохо сочетались с военной дисциплиной, которая обычно требуется для руководства политическими движениями», – пишет Д. Стивенс [7; с.432].

В октябре 1965 года выступить на митинге перед протестующими был приглашен Кен Кизи, на тот момент известный писатель, а также предводитель «Веселых проказников» (Merry Pranksters), группы эксцентричных молодых людей, одних из первых популяризаторов ЛСД и психоделии. Кизи был негативно настроен по отношению к политике и призвал молодых людей не участвовать в очередной «чужой игре», отвернуться от вьетнамской войны и связанных с ней протестов, которые, по его мнению, были очередными попытками «эго» заявить о себе. Большое количество молодых людей последовали его совету [7; с.433]. Именно этих людей впоследствии стали называть «хиппи». «Новые левые» продолжали устраивать марши протеста и призывали к свержению правительства, хиппи собирались на музыкальных фестивалях и верили, что главное – это «мир и любовь», а совершить «Великий отказ», к которому призывал идеолог контркультуры Г.Маркузе, можно эстетическим способом. Возникновению этого раскола в изначально общем движении 1960-х годов и последующему его провалу, очевидно, поспособствовал феномен психоделии.

Открытие психоделических веществ, а позже синтезирование ЛСД (в 1938 году), последующий ажиотаж в научных кругах, вызванный необычностью и глубиной действия этих препаратов, привели к появлению в конце 1950-х годов так называемой «психоделической терапии», терминологически опиравшейся на психоанализ. Однако позже «психоделическая терапия» превратилась в «психоделию», утратившую какой-либо врачебный контроль, а психоделики были приравнены к наркотикам (хотя до сих пор это утверждение считается спорным) и запрещены (ЛСД – в 1966 году). Если изначально ЛСД производился фармакологическими компаниями, то после запрета началось его подпольное производство, что позволило моде на психоделию просуществовать еще несколько лет.

Открытие психоделиков затронуло такие острые проблемы как переживание религиозного опыта, способность химических веществ приводить к устойчивым изменениям психики, степень потребности человека в психических переживаниях, возможная зависимость от них. Проблема существовала и вокруг интерпретации психоделического опыта, к которому можно подходить как минимум в рамках двух дискурсов: психологического, так сказать, классического, и сформированного исследователями в 1960-е годы неклассического, обращавшегося к мистическим понятиям. Различия интерпретаций весьма основательные: «ученые, занимающиеся психомиметиками, наблюдая, как эго расщепляется под воздействием ЛСД, кратко упоминают об «обезличивании», в то время как столкнувшиеся с тем же эффектом Лири или Майрон Столярофф называют это «мистическим объединением» и «интегративным опытом». Наблюдая за сменой ярких внутренних образов, первые изберут слово «галлюцинации», тогда как вторые будут говорить о «видениях и символическом взаимодействии». Последующий накал эмоций можно обозначить психиатрическим термином «эйфория» или заменить его новым психоделическим аналогом «мистический экстаз» [7; с.273-274]. Таким образом, сопровождавшее прием ЛСД переживание галлюцинаторного опыта, называемого «трип» (англ. trip – «путешествие»), а также ощущение «расширения» сознания с трудом поддавались описанию в терминах традиционной психологии.

Как научно объяснялось действие ЛСД и подобных ему психоактивных веществ? Сторонники психоделии вроде О.Хаксли опирались на теорию «редукционного клапана»: наш мозг выполняет функцию фильтра, значительно ограничивая реальный поток сенсорных восприятий. Эта функция мозга эволюционно оправдана, защищая человека от сенсорной перегрузки, но можно также видеть в этом создаваемое мозгом препятствие для «полноты» переживания жизни [7; с.74-75]. Такие вещества как ЛСД освобождали от «клапана», но лишь на период действия психоделика, однако довольно быстро выяснилось, что у принимавших происходят качественные изменения психики.

Т. Лири связывал практику приема ЛСД с избавлением от «установок», от «биохимического импринтинга» – первоначально зафиксированной мозгом картины мира, которая определяет все последующее обучение (теория импринтинга была выдвинута К.Лоренцом в результате наблюдения за гусятами). Данилин же указывает, что в связи с развитием ЛСД-терапии «появился даже специальный термин: «предпрограммирование и ситуация» (set and setting). У нас он иногда переводится как «создание установки». Само понятие «установка» пришло в медицину из LSD-терапии» [2; с.84]. То есть, по сути, корректнее говорить не об избавлении от установок во время сеанса приема ЛСД, а о замене их другими установками. Состояние легкой внушаемости находящегося в «ЛСД-трипе» делала его полностью зависимым от терапевта, проводящего сеанс. Но к середине 1960-х годов в связи с ростом популярности применения ЛСД в целях исследования «внутреннего мира» сеансами стали руководить «проводники» – специально обученный, но не медицинский персонал. ЛСД покинул кабинеты психотерапевтов.

Психоделики в 1960-е годы были невероятно популярны. Практически все, кто попробовал их однажды, обращались к ним снова. Но чем можно объяснить привлекательность этого препарата, действие которого состояло в переживании галлюцинаций? Б. Хьюбнер указывает, что вследствие характерной для современности ликвидации метафизики и Смысла скука «является ныне экзистенциальным и социологическим фактом и является из-за своей невыносимости, смертельности перманентным поводом к своему снятию» [9; с.73]. Скука возникает вследствие наличия у человека «мета-физической потребности», указывает на избыток накопившейся «мета-физической энергии». «Снятие» скуки может быть произведено с двух отличающихся позиций: «либо Я инициирует свое движение к цели, к ДРУГОМУ (БОГУ), отдавая

ему в залог свой дух, свое тело, свое время, либо ему приходится сделать целью своих действий инициацию (психическое)» [9; с.74-75]. Вторым вариантом мы отождествляем с эстетизмом. Рассматривая феномен психоделии, мы видим, что метафизическая потребность в поиске Смысла в его рамках приобретает форму стремления к психическому возбуждению, «кайфу», к чувству утраты границ между «Я» и «не-Я», к деперсонализации. В некоторых случаях психоделический опыт оказывается тесно связанным с религиозными переживаниями. И.С. Сальников, опираясь на Е.А. Торчинова, предлагает в качестве основания для дефиниции религии использовать понятие «религиозный опыт»: «Обычно под религиозным опытом понимается вся совокупность религиозных чувств и переживаний, таких, как переживание обращения, чувство греховности, раскаяние, утешение и т.д. К сфере религиозного опыта относят, таким образом, любые психические состояния, связанные с исповеданием любой религии, в том числе и так называемый мистический опыт» [6]. Последний является обозначением для глубинных трансперсональных переживаний, эмпирическая разработка которых стала возможна в рамках психоделической терапии. Эксперименты с ЛСД позволили выделить в психике несколько уровней бессознательного, условно их можно обозначить как индивидуальный (разрабатывал З.Фрейд), коллективный (К.Г.Юнг) и трансперсональный (С.Гроф). Именно последний уровень и связанные с ним переживания «являются основой и религиозного опыта, и религии как таковой» [6].

Близким к феномену психоделии и религиозного опыта оказывается понятие «измененные состояния сознания» (ИСС), которое включает широкий спектр качественных изменений в субъективных переживаниях, вызываемых различными влияниями, в том числе и не связанными с приемом психоактивных веществ. Потребность в ИСС может наблюдаться на протяжении всей истории человечества: у примитивных народов способами изменения восприятия выступали ритуальные танцы, шаманское вхождение в транс, прием психоактивных растительных веществ. Некоторые антропологи уверены, что возникновение религии напрямую связано с ИСС. Для европейцев основными целенаправленными способами изменять сознание стал прием алкоголя и наркотиков. Но с XIX века арсенал методов стал расширяться, что было связано с общим настроением «духовных поисков». С Востока пришли различные методы медитации, западные психотерапевты также разработали несколько методик: сенсорная депривация, холотропное дыхание, гипноз. Непосредственными предшественниками психоделии выступили, по мнению Данилина, увлечение спиритизмом, распространившееся в XIX веке в Европе и США, эксперименты в искусстве начала XX века, прежде всего гипнотические и наркотические опыты сюрреалистов, и, наконец, развитие психоанализа, продемонстрировавшего, что «нормальных» людей не существует. Кризис христианства, начавшийся в XIX веке, последовавшее за этим преобладание «дионисийского» (Ф.Ницше) начала в культуре подтолкнули к поискам экстатического и «потустороннего» за рамками традиционной религии. Популярность наркотиков, увлечение спиритуализмом, интерес к Восточной культуре – все это стало последствиями потребности в бегстве западной цивилизацией от Разума, Порядка, «аполлоновской» культуры. С.Кьеркегор определил это состояние как «эстетическая стадия развития Духа», или естественное состояние человека. Основными характеристиками этой стадии являются сосредоточенность личности на себе, погоня за чувственными переживаниями, зависимость от внешнего мира и, как следствие, состояние отчаяния. Отчаяние, по Кьеркегору, должно было сподвигнуть человека на выбор этического, то есть «выбор себя». Если же переход на более высокую ступень не происходил, если личность осознанно оставалась эстетиком, то такую личность следовало бы называть «демонической». Но этическая стадия не была пределом. Следующий выбор приводил человека на религиозную стадию, где он предстал один на один перед Богом. Кьеркегор считал, что женщины могут миновать этическую стадию и с эстетической совершить прыжок сразу на религиозную [3].

Популярность психоделиков была связана с иллюзией легкого выхода в сферу «божественного», минуя («перепрыгивая») этическое. Как показывают наблюдения, психическая зависимость от психоделиков часто наблюдается у мужчин и только у 5% женщин. Это связано со стремлением мужчин к «женскому» сознанию, потребностью хотя бы во временном бегстве от ответственности и требований, которые возлагает на них современное общество. Это нежелание этического, нежелание жить ради Другого и «выбирать себя», но желание «утратить себя», раствориться в «божественном», понимаемом как «переживание божественного».

С точки зрения христианства, религиозное и психоделическое переживание отнюдь не одно и то же. Но если трактовать религиозный опыт широко, точки соприкосновения его с психоделическими переживаниями очевидны, однако различие обнаруживается в последствиях. Как пишет А.Г. Данилин, «истинное интеллектуальное чудо открывает святому главное – смысл существования мира. Психоделическое переживание приводит к исчезновению самой способности выделять главное в своей душе и окружающем мире» [2; с.290]. Это различие можно понять, обращаясь к акту «выбора себя», который еще не совершен эстетической личностью, а значит, ей «некуда» возвращаться после психоделического путешествия. Таким образом, психоделия лишь препятствует преодолению эстетизма, а при превращении ее в психическую зависимость – делает выбор этического невозможным.

Когда ЛСД «вышел в массы» изменилось само отношение к назначению препарата: с его помощью уже не путешествовали во «внутренний мир» в терапевтических целях, в рамках духовных практик, а просто «расслаблялись», «отключались» от этого мира, использовали в эскапистских целях. Важным моментом стало само психоделическое переживание. С распространением психоделии в массовом масштабе из нее также стал пропадать мистический компонент. Доктор Стэнли Коэн утверждал, что большинство людей, которые использовали ЛСД, не получало радикально новую способность проникновения в сущность своих

собственных жизней или общества. Они только стали непродуктивными, аморальными гражданами, потерявшимися в пустых мечтах, которые никуда не вели [10; с.31-32].

Также следует отметить, что в 1960-е годы феномен психоделии оказался тесно связан с рок-культурой, особенно ярко это видно на примере психоделического рока (psychedelic-rock). Как показывают наблюдения, прослушивание рок-музыки также приводит к измененным состояниям сознания, что связано с ее высокоритмичностью [1; с.409]. И хотя рок-музыку принято считать музыкой протеста, заметим, что примерно до 1966 года музыкой бунтовщиков был фолк, который и в дальнейшем сопровождал движение «новых левых». Для хиппи наилучшей формой трансляции их идей, которые не могли быть изложены в научных теориях или политических манифестах, стала рок-музыка. Как пишет М.А. Олейник, «музыка становится неким системообразующим фактором культуры, формируя вокруг себя новое социокультурное пространство (со своим жизненным укладом, манерой поведения, внешним обликом, ценностями, вкусами, пристрастиями и т.д.)» [5]. Если рок-композицию можно представить как сочетание вербального и аудиального компонентов, то очевидно, что в сайкоделик-роке преобладающим компонентом является второй. Это связано как с большей универсальностью музыки в сравнении с поэзией, так и с назначением психоделического рока, исполнявшегося преимущественно на музыкальных фестивалях хиппи, где собирались в поисках «Мира и любви», а местом для поисков становилось «расширенное» сознание.

После запрета ЛСД временно упал интерес к психоделикам, но начались активные поиски других, не фармакологических, способов достигнуть ИСС: «Последствия эпидемии LSD и провал идеи коммун привели к усилению влияния тех учений, которые во главу угла ставили психические методы изменения сознания. В молодежной контркультуре они проявились в форме повального увлечения восточным мистицизмом – медитацией, гуру и дзен. В области медицинской поиск особых состояний сознания привел к разработкам групповой психотерапии и к так называемым «восточным» психологическим техникам. В области социально-политической опыт психоделии открыл дорогу так называемым программам «модификации поведения», – пишет А.Г. Данилин [2; с.207].

Таким образом, причину неудачи движения контркультуры 1960-х годов можно обнаружить в произошедшем внутри нее расколе: разграничении политического и неполитического направлений. Этому поспособствовал феномен психоделии – прием психоактивных веществ вне связи с терапевтическими целями. Популярность психоделического движения была связана с универсальным для человека стремлением к удовлетворению мета-физических потребностей. Изначально прием психоделиков связывался с достижением религиозного опыта, и эта тенденция была в дальнейшем развита в рамках трансперсональной психологии. Однако большинство молодежи 1960-х годов применяло ЛСД и другие психоделики в эскапистских целях. Следствием этого стал рост в среде хиппи пассивности, дезадаптированности, иногда бесконтрольный прием психоделиков приводил к психическим расстройствам. Попытки массового «изменения сознания» завершились к началу 1970-х годов разочарованием: с помощью химических веществ не удалось создать ни «нового» человека, ни «нового» общества. Психоделическая революция не разрешила проблем «репрессивного» техногенного общества, но показала, что эстетизм глубоко укоренен как в психике человека, так и в культуре вообще.

Источники и литература:

1. Бургиньон Э. Измененные состояния сознания / Э. Бургиньон; пер. А. Б. Щербаковой // *Личность, культура, этнос : современная психологическая антропология* / под общ. ред. А. А. Белика. – М. : Смысл, 2001. – С. 405-461.
2. Данилин А. Г. LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости / А. Г. Данилин. – М. : Центрполиграф, 2001. – 521 с.
3. Киркегор С. Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал / С. Киркегор // *Наслаждение и долг* / пер. с дат. П. Ганзена; ил. М. Вайсберга. – К. : AirLand, 1994. – С. 227-419.
4. Мінаєв А. В. Рух хіпі як прояв молодіжного неполітичного протесту в другій половині 60-х років ХХ ст. у країнах Західної Європи та США : [Електронний ресурс] / А. Мінаєв // *Збірник навчально-методичних матеріалів і наукових статей історичного факультету Волинський державний університет ім. Лесі Українки*. – 2007. – № 13. – С. 162-168. – Режим доступу : http://www.nbu.gov.ua/Portal/soc_gum/znmm/2007_13/R1/Minaev.pdf.
5. Олейник М. А. Функции музыки в европейской культуре : [Электронный ресурс] / М. А. Олейник // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2009. – Т. 1. – № 7. – С. 172-176. – Режим доступа : <http://elibrary.ru/download/29932992.pdf>.
6. Сальников И. С. О некоторых научных определениях и понятиях религиозных форм мирозерцания в современном религиоведении : [Электронный ресурс] / И. С. Сальников // *Наука, религия, общество*. – 2002. – № 3. – Режим доступа : http://www.iai.dn.ua/_u/iai/dtp/CONF/12/articles/sec4/s4a16.html.
7. Стивенс Д. Штурм небеса. ЛСД и американская мечта / Д. Стивенс; пер. с англ. А. Ведюшкина. – М. : Ультра. Культура, 2003. – 560 с.
8. Султанова М. Философия культуры Теодора Розака : (Очерк филос. публицистики) / М. Султанова. – М., 2005. – 196 с.
9. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / Б. Хюбнер; пер. с нем. А. Лаврухина. – Мн. : ПроPILE, 2000. – 152 с.

10. Farber D. The Intoxicated State/Illegal Nation : Drugs in the Sixties Counterculture / D. Farber // Imagine nation : the American counterculture of the 1960s and '70s / P. Braunstein, M. W. Doyle. – Routledge, 2002. – С. 17-40.
11. Miller T. The hippies and American values / T. Miller. – Univ. of Tennessee Press, 1991. – 181 с.

Цветков А.П.

УДК 13.130.2

ЧЕЛОВЕК КАК СУБСТАНЦИЯ СУЩЕГО И НЕ-СУЩЕГО

Основную идею статьи можно выразить, перефразировав тезис древнегреческого философа-софиста Протагора: человек есть *субстанция* всех вещей, а именно: существующих – в том, что они существуют, и несуществующих – в том, что они не существуют.

Только человек, если, разумеется, не считать Бога, есть субстанция как сущего, так и не-сущего уже только потому, что он есть *cogito*. Если, например, задаться вопросом о том, относились ли в девятнадцатом веке к категории сущего так называемые «черные дыры», о которых тогда никто не имел никакого представления, то дать ответ на такого рода вопрос, строго говоря, будет весьма затруднительно. Как по онтологическим, так и по когнитологическим основаниям.

Cogito есть единство перцепции и апперцепции. В «Критике чистого разума» Кант подчеркивает: «Итак, *я мыслю* есть единственная ткань (Text) рациональной психологии, из которой она должна развить всю свою мудрость. Само собой разумеется, эта мысль, если она должна быть отнесена к предмету (ко мне самому), не может содержать ничего иного, кроме трансцендентальных предикатов предмета; ведь самый ничтожный эмпирический предикат нарушил бы рациональную чистоту и независимость этой науки от всякого опыта.

Нам следует, - пишет далее он, - руководствоваться здесь одними лишь категориями; но так как здесь прежде всего дана вещь, *Я*, как мыслящее существо, то мы начнем с категории субстанции, посредством которой представляется вещь в себе» [1, с. 220.]. Высоко оценивая его характеристику того, что он называет *я мыслю*, отметим, что если всякий предмет есть только вещь в себе, то человек как субстанция одновременно *есть вещь и в себе и для себя*. Для себя - поскольку он, как субстанция, есть еще и мыслящий себя разум. Дело в том, что кантовское *я мыслю* очерчивает границы существования трансцендентального сознания, по существу ничего не говоря о его бытии. В этом контексте и знаменитое *cogito ergo sum* выглядит не более чем эффектная метафора. Несомненно, что только формула типа *Я есмь* выражает, прежде всего, бытие человека, одновременно и его самосознание.

О категории субстанции. В Толковом словаре русского языка Даля субстанция определяется как «тело, материя, вещество». Толковый словарь русского языка Ожегова определяет субстанцию о как «первооснову, сущность всех вещей и явлений». В Большом энциклопедическом словаре субстанция определяется как «объективная реальность; материя в единстве всех форм ее движения; нечто относительно устойчивое; то, что существует само по себе, не зависит ни от чего другого [2] .

Опыт истории философии свидетельствует о проблематичности чёткого определения того, что такое субстанция. Трудность заключается в том, что если, например, рассматривать не просто бытие и небытие мира, а вообще *неопределенное всё*, то возникает. Вопрос о том, есть ли и, если есть, то какой такой неизменный основной принцип (атрибут) лежит в основе субстанции. Из которой, по логике, состоит вообще всё (то есть материя, мысли, чувства, пространство, душа и так далее), разнородное и разнообразное, затрудняющее попытки определения этой «всеобщей субстанции».

Латинское слово *substantia* – это перевод греческого слова сущность (*ousia*); кроме того, в латыни для обозначения сущности использовалось слово *essentia*. В античной философии субстанция трактуется как субстрат, первооснова всех вещей (например, «вода» Фалеса, «огонь» Гераклита, «Нус» Анаксагора и др.). В латинской патристике субстанция Бога, или Бог как субстанция, противопоставлялись наличному бытию конкретных сущностей-ипостасей.

Ранняя схоластика за *essentia* закрепляет значение возможности (потенции), противопоставляя ее *existentia* как действительности (синоним актуальности). В средние века вопрос о субстанции решается главным образом в споре о субстанциональных формах бытия (номинализм, реализм).

В Новое время, во-первых, господствует онтологическое понимание субстанции как предельного основания бытия (Фрэнсис Бэкон, Бенедикт Спиноза, Готфрид Вильгельм Лейбниц). Так, философская система Спинозы являет, собственно, учение о субстанции, которую он понимает как единую, вечную и бесконечную природу. Субстанция Спинозы едина, она есть причина самоё себя (*causa sui*). Эта единая субстанция не нуждается ни в чем другом для того, чтобы существовать. Природа разделяется на природу творящую и природу сотворенную. Природа творящая есть Бог, единая субстанция. Субстанция обладает двумя главными атрибутами: мышлением и протяжением (распространенностью), посредством которых человеческий ум воспринимает субстанцию в ее конкретности, хотя число атрибутов, присущих субстанции, безгранично. Нет никакой причины, которая бы стимулировала субстанцию к действию, кроме ее самой. Субстанции, которая представляет собой ничем и никем не обусловленное бытие, Спиноза противопоставляет конечные вещи, именуемые модусами. Модусы отличаются от субстанции тем, что они зависят от внешних причин. Они не только по сути своей конечны, но и характеризуются такими качествами, как изменение, движение. Субстанция, следовательно, выступает в философии Спинозы и в